

УДК 336.741.242.1(470+571)(091)

И.А. Чуднов
ГРАЖДАНЕ! СДАВАЙТЕ ВАЛЮТУ!

ЧУДНОВ Игорь Александрович — кандидат исторических наук (Кузбасский государственный технический университет). E-mail: nauka@wsciom.com

*Деньги должны храниться в госбанке,
в специальных сухих и хорошо охраняемых помещениях,
а отнюдь не в теткинском погребе,
где их могут, в частности, подпортить крысы...*

М.А. Булгаков

*Для клиента получение эффективной валюты
является лишь источником неудобств....*

*Пресс-релиз Госбанка СССР
о валютных переводах из-за границы,
февраль 1929 г.*

Автор восстанавливает историю иностранной валюты в нашей стране в первые десятилетия советского периода. Рассматривая взлеты и падения инвалюты, денежные реформы, специфику работы государственных органов и финансовых институтов в контексте событий в политике, экономике и социальной сфере жизни российского общества, автор изящно сплетает свой анализ с валютными перипетиями героев романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита», в котором, как в зеркале, нашли отражение сложные социально-экономические процессы 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: деньги, иностранная валюта, денежная реформа, финансы, золотовалютные резервы, биржи.

В фильм «Мастер и Маргарита» не вошел один сюжет, интересный с точки зрения как экономической истории нашей страны, так и современной ситуации на валютных рынках, способах их регулирования. Речь идет о сне Никанора Ивановича Босого, председателя жилищного товарищества дома № 302-бис по Садовой, где была расположена «нехорошая» квартира № 50. Сам Никанор Иванович персонаж хоть и запоминающийся, но эпизодический и малопримечательный.

© Чуднов И.А., 2011

Плутоватые управдомы были излюбленными героями советской сатирической прозы тех лет; именно они олицетворяли пресловутый «жилищный вопрос». Не мог обойти этот типаж и Булгаков: «барашковый председатель» в «Воспоминании...» (1924), Швондер в «Собачьем сердце» (1925), Аллилуйя-Портупая в «Зойкиной квартире» (1926), Бунша-Корецкий в неопубликованных при жизни «Блаженстве» (сон инженера Рейна) и «Иване Васильевиче» (1934).

Управдомы в творчестве советских сатириков 1920-х гг. — тема отдельного исследования. Нас же в большей степени интересуют доллары, оказавшиеся в вентиляции уборной Никанора Ивановича. Что стоит за таким, на первый взгляд, неожиданным поворотом сюжета? Почему компетентные органы проявили столь пристальный интерес к не такой уж и большой сумме? Почему иностранная валюта не раз и не два возникает в руках героев романа и всегда вызывает переполох?

В «Мастере и Маргарите», как и в других произведениях Булгакова, нашли отражение сложные социально-экономические процессы 1920–1930-х гг. Ушел нэп, изменились экономические отношения, неизменной для молодого советского государства оставалась только острая потребность в твердой валюте, нехватка которой для Советского Союза при бедном экспорте остро ощущалась долгие годы.

Контроль за устойчивым поступлением валюты для государственных нужд призвана была обеспечить валютная монополия, фактически введенная вместе с национализацией внешней торговли 22 апреля 1918 г. Монопольное право Наркомата финансов (далее — НКФ СССР) на покупку золота, платины и иностранной валюты вводилось декретом СНК РСФСР от 6 октября 1921 г. В апреле 1922 г. это право перешло Госбанку СССР. В октябре 1922 г. была разрешена биржевая торговля иностранной валютой. Таким образом, с февраля 1923 г. Госбанк сохранил за собой лишь монополию на покупку золотой и серебряной монеты. Весной 1924 г. червонец стал котироваться по золотому паритету на фондовых биржах нескольких стран.

Госбанк СССР, покупая значительную часть предъявлявшихся червонцев по курсу на уровне золотого паритета, демонстрировал достигнутую денежной реформой финансовую стабильность. Внутри страны валютные операции проводились как на биржах, так и на свободном рынке. Свобода оказалась очень обманчивой. Советская власть изначально недолго любила валютных маклеров — в валютном регулировании вместе с Госбанком и Наркомфином со своими специфическими методами участвовало и ОГПУ. Еще осенью 1923 г. Политбюро санкционировало предложенную ОГПУ высылку из Москвы «злостных спекулянтов», особенно валютчиков, виновных, как считали чекисты, в росте цен. Зимой очередь дошла до маклеров валютной биржи. В Петрограде были арестованы все состоявшие на учете; в Ростове-на-Дону биржа была разогнана. В провинции аресты затронули агентов особой части НКФ СССР, которые были командированы для интервенции золотой монеты.

Репрессии привели к обвальному (в 2,5 раза) падению спроса на золотые червонцы и уходу валютных операций на «черную биржу», что ставило под угрозу успешное завершение денежной реформы. Подобная политика вызвала резкую критику наркома финансов Г.Я. Сокольникова, по предложению которого в марте 1924 г. Политбюро распорядилось прекратить репрессии против биржевиков, чтобы не мешать валютным операциям

Наркомфина. Сокольников пока чувствовал себя уверенно, золотовалютные резервы выросли за год почти на 150 млн руб., покрытие эмиссии в начале 1925 г. превысило 45%.

10 июля 1925 г. были отменены ограничения на хранение и торговлю золотом, серебром и платиной в 50-верстной пограничной зоне, а 17 июля 1925 г. легализованы сделки с фондовыми ценностями и иностранной валютой, как на фондовых биржах, так и в свободном обороте. Ограничения предусматривались лишь для государственных организаций. Либеральный период, однако, был недолгим. Быстро растущий импорт вел к сокращению валютных резервов, Госбанк активно продавал золото, обеспечение эмиссии снижалось, был ужесточен контроль за валютной выручкой экспортеров, ограничен вывоз червонцев частными лицами.

Плановые просчеты и трудности хлебозаготовок вызвали рост цен и дефицит. Особенно он ощущался в деревне, куда практически перестали поступать товары, производимые в городе. В стране вырос спрос на золото. В НКФ СССР, Госплане, Госбанке СССР шли жаркие дискуссии о путях выхода из ситуации. В январе 1926 г. по инициативе Сталина стабилизацией червонца вновь занимается ОГПУ, где разрабатывается новый план по аресту валютных спекулянтов. Политбюро санкционирует его параллельно с рядом практических мер по экономии валюты.

В феврале-марте ОГПУ проводит «зачистку» на «Американке» (уличная биржа на Ильинке), на Трубном рынке, в других местах. Всего в столице было арестовано более 180, а по стране — более 1800 человек. Спрос на червонцы упал вдвое. 20 января 1926 г. Совет труда и обороны (далее — СТО) полностью централизует выдачу импортных лицензий. 15 февраля новые правила регулирования валютных операций обязывали государственные предприятия сдавать всю валютную выручку в Госбанк.

В феврале-начале марта 1926 г. вслед за биржевиками были арестованы сотрудники особой части валютного управления НКФ СССР, во главе с ее руководителем Л.Л. Волиным. Политбюро санкционировало внесудебное разбирательство по этому делу. По версии ОГПУ, сотрудники НКФ СССР, «войдя в связь с отдельными частниками-биржевиками, использовали свое служебное положение для дезорганизации валютно-фондового рынка в целях личной наживы и обогащения, связанных с ними биржевиков, чем нанесли советскому государству материальный ущерб». 4 мая Коллегия ОГПУ приговорила Волина Льва Лазаревича, Чепелевского Абрама Моисеевича, управляющего Московской конторой Особой части Валютного управления НКФ СССР и Рабиновича Льва Наумовича, маклера Ленинградской фондовой биржи к расстрелу, остальных четверых сотрудников — к лишению свободы. Приговор был приведен в исполнение (все реабилитированы 01.07.1996).

«Виновники» затруднений на валютном фронте были найдены и обезврежены, вредителей в промышленности начнут искать немного позже — до «шахтинского дела» оставалось два года. Так закончилась некоторая свобода валютного оборота периода НЭПа.

В июле 1926 г. на Пленуме ЦК председатель правительства А.И. Рыков подчеркнул: «“Черная биржа” является детищем Сокольникова, он ее родил, он ее питал, он ее растил и кормил все время. И вот это детище Сокольникова, как я докладывал об этом Политбюро, мы уничтожили. И денег на это больше не тратим». Советское государство и Госбанк стремились укреплять курс рубля без затрат валютных резервов, т.е. рычаги валютного регулирования искали исключительно во внеэкономической плоскости. Ставилась задача планомерного, независимого от «стихии капиталистического рынка», определения курса. Операции с частными лицами по продаже на червонцы золота и иностранной валюты были прекращены.

В 1926 г. был запрещен вывоз рублей за границу, в 1928 г. — ввоз. Изменились оценки: «стихия капиталистического рынка» уступила место «подрыву денежной системы СССР империалистами путем истощения нашего золотого запаса».

Легальный валютный рынок в СССР с конца 1920-х гг. надолго прекратил существование. С одной стороны, по мнению советских исследователей, «финансовая олигархия капиталистических стран лишилась возможности оказывать путем спекулятивных операций какое-либо влияние на курс советской валюты», с другой, — мы сами лишились возможности определять реальный курс национальной валюты. К курсам мы еще вернемся.

К концу 1920-х потребность в валюте резко возросла, правительство изыскивало любые источники поступлений, подчас и самые нетрадиционные. На рубеже 1928–1929 гг., предвосхищая готовящуюся катастрофу в сельском хозяйстве, на внутреннем «валютном фронте» началась паника. Госбанк СССР дал указание о бесперебойном финансировании экспорта. Наркомторг на 20% увеличил его объем. В 1928 г. «общее финансовое положение» требовало «срочных мероприятий по мобилизации внутренних ресурсов». Золотой рубль (червонец) перестал быть свободно конвертируемым.

Г.Л. Пятаков, тогда председатель правления Госбанка, организовал агентства по скупке золота у частных старателей в обход концессии «Lena Goldfields» на ее территории, вступив в конфликт с НКФ СССР (поддерживающим официальный контакт с концессионерами). Шаг беспрецедентный: старатели воровали золото у концессионеров, с которыми государство в лице НКФ СССР заключило договор, и сдавали Госбанку. При этом Г.Л. Пятаков еще и резко критиковал НКФ, чья политика «дорого обходилась Госбанку».

Параллельно председатель правления Госбанка вел напряженные переговоры с владельцами зарытых при бегстве из советской России кладов — эмигрантами, которые готовы были поделиться и из-за рубежа указать сокровенное место. Госбанк, торгуясь за каждый процент, скрепя сердце соглашался на 30% комиссионных при государственном транспорте и охране [1]. В 1920-е гг. страну охватила настоящая лихорадка по поиску сокровищ, спрятанных бежавшими эксплуататорами. «Бриллиантовый дым» вдохновлял не только Остапа Бендера и Кису Воробьянинова. В СССР приезжали из-за границы посланники эмигрантов, договаривались за определенный процент с оставшимися в России родственниками или бывшей прислугой и пытались вывезти ранее спрятанные ценности. ОГПУ, перехватывая на границе курьеров, едущих в СССР закладами, активно занималось «раскопками» на подмосковных и питерских дачах.

Забегая вперед, отметим, что полную «зачистку» провести не удалось. Клады находят до сих пор. В 1962 г. каменщики бригады И. Митрофанова ремстройтреста Дзержинского района при ремонте особняка на улице Щепкина (3-я Мещанская) обнаружили в основании стены дома пять слитков золота 96-й пробы общим весом около 18 кг. На следующий день там же строители нашли кожаную сумку, в которой лежали 13 золотых предметов: часы и украшения весом около 400 г. Находки были сданы государству и оценены в 18 148 рублей. 25 % вознаграждения члены бригады поделили.

В июне 1928 г. Политбюро ЦК ВКП (б) санкционировало изъятие для монетной чеканки серебряных изделий из музеев и церквей. Острая нехватка серебра в обращении объяснялась тезаврацией его населением. В 1926–1927 гг. серебряная монета (1 рубль и 50 копеек) стала исчезать из оборота и к 1929 г. практически вышла из обращения. Наркомфин объяснял это падением покупательной силы рубля на внутреннем рынке и низким курсом червонца за границей, что способствовало контрабандному вывозу серебра.

Драгметаллы оседали у населения. В «Золотом теленке» Ильфа и Петрова Великий комбинатор, готовясь к переходу румынской границы, всю зиму скупал «североамериканские доллары с портретами президентов в белых буклях, золотые часы и портсигары, обручальные кольца, бриллианты и другие драгоценные штуки». Валюты, которую население считало ненадежным источником помещения средств. Остапу Бендеру «в том числе каких-то сомнительных польских и балканских денег» удалось достать только на пятьдесят тысяч. Пришлось тащить массивные золотые блюда.

Летом 1929 г. Политбюро принимает решение об изъятии серебряной монеты у населения и решительной борьбе со спекулянтами и скупщиками серебра. Правительство планировало для создания маневренного фонда собрать 20 млн руб. 10 мая 1930 г. Политбюро обязывает ОГПУ «в течение 10 дней добыть от 1 до 2 млн рублей валюты» [2].

1930 г. выдался «урожайным». Чекисты «добыли» ценностей более чем на 10 млн рублей золотом, в том числе 5,9 млн в иностранной валюте. Летом 1930 г. в прессе появились сообщения о процессах над спекулянтами и укрывателями монеты. Расстрельные приговоры были рассчитаны на устрашение. В целом, на «валютном фронте» широко применялись методы, аналогичные проводившейся параллельно коллективизации.

20 сентября 1931 г. Экономическое управление (ЭКУ) ОГПУ циркуляром № 404 санкционировало изъятие золотых и серебряных предметов домашнего обихода. Органы приступили к сплошному изъятию ценностей у населения, что затрагивало интересы широких слоев и совершенно выходило за рамки даже социалистической законности. Очередное «головокружение от успехов» подкорректировали в сентябре 1932 г., когда ЭКУ ОГПУ специальным циркуляром разъяснило, что изъятие домашних ценностей допустимо только в случаях обнаружения их товарного количества, которое представляло валютную ценность или являлось предметом спекуляции.

Со времен нэпа в поле зрения финансовых органов находились советские граждане, пользовавшиеся валютными почтовыми переводами. В мае 1926 г. с целью предотвращения утечки валюты за рубеж Наркомат почт и телеграфов получил указание ОГПУ максимально технически затруднить отправку переводов. Сокращалось число почт, где можно было это сделать, вводился неудобный для посетителей график, изымались бланки переводов, вводилась предельная месячная сумма перевода. В новых условиях граждане стали посылать валюту в письмах с объявленной ценностью. Уже в июне 1926 г. для отправки такого письма было введено специальное разрешение Валютного управления НКФ СССР.

Порядок вывоза, ввоза, пересылки и перевода за границу и из-за границы валютных и фондовых ценностей регулировался постановлением ЦИК и СНК СССР от 21 марта 1928 г. в развитие которого НКФ СССР и Главное таможенное управление (ГТУ) разработали инструкции и правила. В них «под переводом валютных ценностей из-за границы» понимался «прием всякого рода ценностей (валютных, фондовых, товарных и прочих) за границей с выплатой валютного эквивалента в пределах СССР» [3].

К концу 1928 г. НКФ СССР заинтересовался гражданами, легально получавшими валютные переводы из-за границы от эмигрировавших родственников. В феврале 1929 г. Москва дала указание на места «воздействовать на переводополучателей из-за границы с целью побудить их покупать червонцы взамен нужной нам валюты». Получателей валютных переводов на почте принуждали давать расписку в том, что получение и продажа иностранной валюты не по официальному курсу — преступление, регистрировали купюры.

Г.А. Пятаков рекомендовал «устанавливать контакт с органами административного воздействия, давая им всякого рода сведения о переводополучателях, упорно не желающих соглашаться на ваши уговоры...» [4]. В 1931–1932 гг. изъятие иностранной валюты у частных переводополучателей приобрело массовый характер. Органы ОГПУ задерживали получателей валюты, пересылаемой в СССР через иностранные банки, брали у них расписки в получении валюты по переводам и затем отпускали; валюта, при этом безвозмездно изымалась. Эта практика вызвала возмущение и протесты со стороны иностранных банков и их клиентов, усилила антисоветскую пропаганду; приток переводов в СССР резко сократился. ЭКУ ОГПУ стало изымать переводные деньги только с поличным в момент совершения спекулятивных сделок, т.е. продажи валюты помимо Госбанка. «Неудобства» стали испытывать не только получатели переводов, но и все, у кого, по мнению властей, могла быть твердая валюта. Подозреваемых задерживали, кормили в камерах соленой рыбой, почти не давая воды, что должно было стимулировать «добровольную выдачу».

Вторая жена друга М.А. Булгакова филолога Н.Н. Лямина — Н.А. Ушакова вспоминала, как в аналогичную ситуацию попал ее муж: «Николая Николаевича тоже вызвали. Уж не знаю, почему они решили, что у нас что-то есть. Может быть, потому, что они уже вызывали первую жену Николая Николаевича — Александру Сергеевну Лямину, которая была из известной купеческой семьи Прохоровых, кроме того, у них уже сидела ее тетка. Николай Николаевич просидел там недели две». Оперативники, вероятно, искали фамильные драгоценности Прохоровых, провели обыск у Ляминах, но ничего не нашли. Н.Н. Лямин поделился пережитым с Булгаковым, который, по мнению Н.А. Ушаковой, «написал эту главу про сон Никанора Ивановича почти слово в слово». Н.Н. Лямин был арестован осенью 1931 г., а первый вариант главы со сном Никанора Ивановича был написан в сентябре 1933 г. В дальнейшем текст многократно переписывался [5]. Н.Н. Лямин в тот раз отделался относительно легко. В 1931 г. Сталину была представлена информация об аресте сотрудников ОГПУ в Белоруссии, применявших к подсудимым «валютчикам» лишение пищи, карцеры, побои. Вождь отреагировал на арест чекистов: «не слишком ли строго» [6].

М.А. Булгаков, по понятным причинам, не мог описывать застенки ОГПУ, где перевоспитывали валютчиков. Напомним, что во сне Никанор Иванович оказался в богато украшенном театральном зале, где прямо на полу сидели советские граждане, не желавшие сдавать государству валюту. Театральный зал очень напоминал зал Малый Бурбон во дворце герцога Филиппа Орлеанского, описанный М.А. Булгаковым в романе «Жизнь господина де Мольера». В период Фронды спектакли не играли, а зал стал местом заключения государственных преступников, обвиняемых в оскорблении его величества. В советской действительности роль фрондеров досталась другой категории государственных преступников — лицам, нарушавшим правила о валютных операциях.

Место труппы Мольера, игравшей на сцене Малого Бурбона, теперь задернутой темно-вишневым бархатным занавесом, усеянным изображениями золотых николаевских десятков, занял конференсье Куролесов. С группой артистов он вел специальную программу, разоблачая алчность «валютчиков», разыгрывая сцены в духе современных реалити-шоу. ОГПУ не случайно «мариновало» подозреваемых. Повальные обыски, как правило, не давали результатов. Валюту не хранили дома под бельем в шифоньере. Известны случаи, когда оперативники по показаниям свидетелей несколько дней буквально перепархивали загородные участки в поисках сокровищ, что отнимало много времени и сил. Поэтому акцент был сделан на агентурную проработку и воздействие на арестованного с целью принуждения

его к добровольной выдаче. Методы морального и иного воздействия на «валютчиков» подкреплялись параллельным проведением оперативно-розыскных мероприятий.

В театре Николай Иванович Босой наблюдал сцену публичного разоблачения Сергея Герардовича Дунчиля, который полтора месяца упорно отказывался сдать оставшуюся у него валюту. Конферансье убеждал упряма, что страна нуждается в валюте, «а вам она совершенно ни к чему, а вы все-таки упорствуете». Когда процесс перевоспитания забуксовал, результаты принесла именно оперативная работа. Органы хорошо знали, что их «клиентам» всегда есть что скрывать. Дунчиль был разоблачен как «жадный паук, поразительный охмуряло и вун». При содействии его бывшей любовницы Иды Геркулановны Ворс в ее квартире в Харькове были обнаружены \$18 тыс. и кольцо «в сорок тысяч золотом». Собравшимся в театральном зале они были представлены самой юной красавицей в бальном платье, на золотом подносики, где лежала толстая пачка, перевязанная конфетной лентой, и бриллиантовое кольцо, «от которого во все стороны отскакивали синие, желтые и красные огни». Конферансье Куролесов поблагодарил Иду Геркулановну, которая «любезно помогла обнаружить эти бесценные, но бесцельные в руках частного лица сокровища». «Охмуряло, паук и вун» Дунчиль отделался общественным порицанием, жадность была наказана, государственный интерес восторжествовал.

В XV главе «Мастера и Маргариты» Николай Канавкин, не выдержав долгого сидения в театральном зале, сдал валюту, спрятанную в коробке в погребе уютного особнячка на Пречистенке у его тетки Клавдии Ильиничны Пороховниковой. Дотошный конферансье продолжал разработку: «Да, кстати; за одним разом, чтобы машину зря не гонять...у тетки этой самой ведь тоже есть? ...Есть, — залихватски крикнул Канавкин». «Ну что же, попробуем пробудить в ней человеческие чувства, продолжал конферансье, — может быть еще не все струны сгнили в ее ростовщицкой душонке». Как тут не вспомнить, упомянутую выше, вполне реальную тетку из бывших купцов Прохоровых.

Для героев «Мастера и Маргариты» валюта стала настоящим проклятием, арестовывали всех, кто к ней прикасался. Аннушка, та самая, что пролила масло на Патриарших прудах, была арестована в то время, когда пыталась вручить \$10 кассирше в универмаге на Арбате. «Ничего не знаю, какие такие доллары, и не видела я никаких долларов, — визгливо отвечала Аннушка следователю. — Мы в своем праве!». Как червонцы превратились в доллары, выяснить так и не удалось. Как и все, кто в романе держал валюту в руках, Аннушка, «понесла полную околесицу», и ее отпустили. Василий Степанович Ласточкин, бухгалтер варьете, как обычно пытался сдать выручку, но обнаружил в пакете «пачки канадских долларов, английских фунтов, голландских гульденов, латвийских лат, эстонских крон...» после чего, как «один из этих шукарей из Варьете» был арестован.

М.А. Булгаков, естественно, не вдавался в уточнение правовых оснований типичных для своего времени арестов, но они интересны для нас, чтобы выяснить на какой правовой базе ОГПУ вело работу по регулированию валютного рынка. Проблема законного изъятия государством собственности граждан (а сегодня и юридических лиц) всегда актуальна в России. В первом УК РСФСР к хозяйственным преступлениям (ст. 138) относилась спекуляция валютой. Не случайно Фагот-Коровьев сообщил по телефону правоохранительным органам не о том, что Никанор Иванович хранит валюту, а о том, что он ею спекулирует. В 1927 г. валютная спекуляция была включена в группу государственных преступлений, в раздел об особо опасных преступлениях против порядка управления. Нарушение правил о валютных операциях влекло за собой лишение свободы на срок до трех

лет с конфискацией имущества. Вместе с тем действовавшая нормативная база не давала возможности точно определить, что относится к составам указанных преступлений. Только через 20 лет после победы советской власти и установления валютной монополии была предпринята попытка ликвидировать пробел в законодательстве.

В 1937 г. исключительное право совершать на территории СССР сделки с иностранной валютой и валютными ценностями (а также производить и принимать платежи) было предоставлено Госбанку СССР, а также, под его контролем, Банку для внешней торговли СССР [7]. Скупка и перепродажа иностранной валюты, заключение каких-либо сделок с царской золотой монетой запрещались. Вместе с тем вопрос о том, какие сделки с валютой и валютными ценностями являются нарушением правил о валютных операциях, а какие — нет, оставался недостаточно ясным.

ГК РСФСР 1922 г. (ст. 87) определял предметом залога любое имущество, за исключением драгоценных металлов и других ценностей, которые предметом залога являлись лишь с соблюдением правил, установленных специальным законом. Такой закон до 1937 г. отсутствовал. ГК РСФСР 1964 г. уже не содержал аналогичных правил; в силу ст. 194 валютные ценности могли быть предметом залога без ограничений. Принятие нового УК РСФСР (1961) не устранило противоречия, на что неоднократно обращали внимание юристы [8, с. 132].

Постановление от 7 января 1937 г. запрещало лишь сделки с иностранной валютой, равно как и с золотом, серебром, платиной. Хранение ценностей не давало состава рассматриваемого преступления. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР в определении от 24 июня 1942 г. по делу С., осужденной по ст. 59¹² УК РСФСР, указала: «Запрещения хранить валютные ценности закон не содержит...», хранение валютных ценностей «по закону не наказуемо». Коллегия прекратила дело С. за отсутствием состава преступления, предусмотренного ст. 59¹² УК РСФСР.

Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 6 мая 1943 г. нарушением правил о валютных операциях посчитал совершение воспрещенной законом операции, предметом которой являлась валютная ценность, но понятие самой воспрещенной операции в постановлении не было раскрыто.

Никанор Иванович Босой не совершал с валютой никаких операций и недозволенных действий, предположение о получении им долларов от иностранного квартиросъемщика так и не было доказано. Мы оправдаем управдома в части ст. 59¹² УК РСФСР (1926 г.) за отсутствием события преступления. «В руках никогда не держал и не подозревал, какая такая валюта! Господь меня наказует за скверну мою, — каялся Босой, крестясь. — Брал! Брал, но брал нашими, советскими! Прописывал за деньги, не спорю, бывало...» К валютным операциям это не относилось и поэтому не вызвало интереса у органов. Сцена покаяния управдома не нова для советской литературы. В одном из ранних рассказов М.М. Зощенко «Собачий нюх» в ходе расследования кражи к управдому подошла розыскная собака, обладавшая редким свойством выводить «на чистую воду». Управдом, побелев, кинулся навзничь: «Вяжите меня, люди добрые, сознательные граждане, я за воду деньги собрал, а те деньги на прихоти свои истратил». То были «наши советские», в 1920-е доллары у управдомов еще не были в ходу.

Изъятые у Никанора Ивановича в доход государства \$400 (курс черного рынка 4 руб. 50 коп. — \$1) не способствовали делу социалистического строительства, превратившись, как и деньги из варьете, в бумагу, но в стране было немало людей, имевших вполне реальную

валюту, выявлять и изымать которую становилось все сложнее. На рубеже 1931–1932 гг. было решено прекратить «кавалерийскую атаку» и перейти к плановой работе по «выкачке валюты» из населения. В ЭКУ ОГПУ была создана специальная группа, сформирована база данных, отслеживались перемещения бывших нэпманов.

В начале 1930-х гг. правительство полагало, что на руках у населения осталось около 100 млн руб. золотом звонкой монетой и валютой, а также примерно на эту же сумму ювелирных изделий. Типичен пример Андрея Фокича Сокова, буфетчика из варьете, где Воланд дал свое нашумевшее представление и был недоволен осетриной «второй свежести». Фагот-Коровьев моментально и точно оценил состояние скромного буфетчика: «Двести сорок девять тысяч рублей в пяти сберкассах и дома под полом двести золотых десятков». Свои богатства Андрей Фокич не думал направлять на нужды индустриализации и был не одинок. Вспомним отца Федора в «Двенадцати стульях» Ильфа и Петрова, который «не корысти ради» пытался употребить свои золотые десятки. Примечательно, что у разных авторов судьба богатств буфетчика варьете и зашитых в стул сокровищ оказалась одинаковой.

Андрей Фокич и отец Федор сильно рисковали. 25 августа 1930 г. Политбюро направило в газеты сообщение: «Коллегией ОГПУ рассмотрено дело группы лиц, занимающихся спекуляцией и укрывательством серебряной монеты, а также и золота. Наиболее злостных укрывателей, занимающихся вместе с тем активной контрреволюционной агитацией... (всего 8 чел.), у которых найдены крупные суммы различного серебра, коллегия ОГПУ приговорила к расстрелу. Приговор приведен в исполнение».

Для по-настоящему добровольного привлечения на цели индустриализации лежащих без движения валютных ценностей осенью 1931 г. советским гражданам стали доступны магазины Торгсина (Всесоюзное общество торговли с иностранцами), в которых можно было приобрести дефицитные товары за золото или валюту. Булгаков описывает изобилие Торгсина на Смоленском рынке. Штабеля обувных коробок, «плачущая» розовая лососина, пирамиды мандаринов и шоколада очень понравились Коровьеву и Бегемоту, что, впрочем, не помешало им учинить погром в образцовом учреждении. При этом Коровьев выкрикивал популистские лозунги о горькой участи проголодавшегося трудового народа, которому неоткуда взять валюту, противопоставляя ее ненужным нам «набитым валютой» иностранцам. И неслучайно «политически вредная», по замечанию автора романа, речь нашла понимание в зале. Цены на многие продукты в Торгсине были в разы выше экспортных советских и европейских. На \$1 в Польше, Франции можно было приобрести в 2–5 раз больше мяса, сахара, масла, крупы, чем в Торгсине.

Тем не менее при любых ценах в СССР всегда существовал устойчивый спрос на дефицитные качественные товары, в то время как витрины валютных (затем коммерческих и вновь валютных), а также любых магазинов с ассортиментом качественных товаров были для большинства советских людей чисто эстетическим удовольствием. Еще в январе 1922 г. Булгаков, описывая нэповскую Москву, отметил: «...Выставки гастрономических магазинов поражают своей роскошью. В них горы коробок с консервами, черная икра, семга, балык, копченая рыба, апельсины. И всегда у окон этих магазинов, как зачарованные, стоят прохожие и смотрят не отрываясь, на деликатесы... Кондитерские на каждом шагу... Пирожные бесчисленными рядами устилают прилавки... Все это чудовищных цен. Но цены в Москве давно уже никого не пугают...» [9, с. 378].

Аналогичные впечатления о коммерческих магазинах в Москве оставит Дж. Стейнбек, побывавший в СССР летом 1947 г.: «Консервы сложены горами, шампанское и грузинские вина стоят пирамидами, японские банки с крабами, немецкие продукты. Здесь же лежали роскошные продукты Советского Союза: большие банки с икрой, горы колбас с Украины, сыры, рыба и даже дичь — дикие утки, вальдшнепы, дрофы, кролики, зайцы... Все это были деликатесы. Для простого русского, главным было, сколько стоит хлеб и сколько его дают, а также цены на капусту и картошку» [10].

В 1931 г. ОГПУ не приветствовало новую форму валютной торговли, и отношения с Торгсином оставались сложными. С одной стороны, они сотрудничали в обмене информацией, транспортировке ценностей, пресечении экономических преступлений и пр., с другой — конкурировали в деле «добыче золота и валюты», так как оба работали на одном поле. В то время как успехи ОГПУ в деле изъятия валюты у населения становились все более скромными, Торгсин в условиях тотального дефицита и карточной системы стремительно развернулся и стал эффективным инструментом получения наличной валюты, которая в 1932 г. составила 41% его кассовых поступлений (вместе с переводами из-за границы). В 1933 г. с ростом доли ювелирных изделий этот показатель упал до 21%.

Пока в СССР работал Торгсин, за границей бывшие эмигранты создавали специализированные фирмы с созвучными названиями «Торгснаб», «Русторг», организовывая отправку посылок «голодающим в России родственникам». Посредники быстро отреагировали на ситуацию, рекомендуя отправлять посылку, а не деньги. Полученные вещи или продукты в СССР можно было выгодно продать. Посылки получали не только голодающие. В 1935 г. Московская таможня привлекла к ответственности за контрабанду гражданку К., на имя которой в разные города СССР поступали фактуро-лицензионные посылки. За год работы канала К. удалось реализовать около 800 м тканей, более 200 пар чулок, обувь и др. товары [11, с. 178]. Усилия ОГПУ и Торгсина внесли свой вклад в дело индустриализации и укрепления обороны. Что касается оставшегося золота и валюты, то советские граждане продолжали хранить их в теткиных погребах, мало доверяя «самой крепкой валюте в мире» и трудовым сберкассам. В годы войны в Фонд обороны и Фонд Красной Армии поступило от населения иностранной валюты более чем на 15 млн руб. [12, с. 398].

Нелегальные операции с иностранной валютой получили распространение в годы войны, когда Советская Армия оказалась на территории Восточной Европы. Именно тогда был зафиксирован исторический максимум: на черном рынке в Чехословакии или Польше за \$1 давали до 100 руб., при официальном курсе в СССР — 5 руб. 30 коп. «Наш рубль против американского доллара не имеет никакого авторитета на международном рынке, поэтому потребовалась реформа», — зафиксировали сотрудники госбезопасности разговор на улице в Новосибирске об итогах денежной реформы 1947 г.

После войны валюта оставалась на руках, хотя в то время внутренний «черный» валютный рынок в СССР практически отсутствовал. В Москве среди дипломатов и иностранцев \$1 стоил около 50 руб. Американское посольство в Москве меняло для своих сотрудников доллары на рубли по льготному курсу Госбанка СССР для дипломатических представительств — 1:12. Это, по словам Дж. Стейнбека, вызывало жалобы дипломатов на дорогую жизнь. «Например, если сотрудник посольства устраивает вечеринку, она обходится довольно дорого по курсу 1:12, в то время как сотрудник одного из латиноамериканских

посольств может устроить вечеринку по курсу 1:100 и она, конечно, обойдется значительно дешевле» [13, с. 23–24].

Советская валюта в различных объемах и по разным курсам обращалась на черных рынках практически всех граничащих с нами стран. В начале декабря 1946 г. министру финансов А.Г. Звереву поступило письмо от бывшего военного: «Недавно я вернулся из г. Дальний (Квантунский п-ов). Там на «черной бирже» местное население (китайцы и японцы) торгуют в обширном размере советскими деньгами, причем, при официальном курсе 1 рубль — 4 юаня, на рынке 1 рубль котируется 3–3,5 юаня...» [14].

Советское государство последовательно стремилось пресечь нелегальные валютные операции. С конца 1950-х гг. начинается ужесточение законодательства в этой сфере. Ст. 25 Закона «Об уголовной ответственности за государственные преступления» от 25 декабря 1958 г. предусматривала усиление ответственности за нарушение правил о валютных операциях и спекуляции валютными ценностями.

Проблема казалась властям настолько политически актуальной, особенно в год принятия новой Программы партии, что в 1961 г. в статью четыре раза вносились изменения. В итоге виновные приговаривались к лишению свободы на срок от трех до восьми лет с конфискацией валютных ценностей и ссылкой. Спекуляция валютными ценностями «в виде промысла или в крупных размерах» влекла за собой лишение свободы на срок от трех до пятнадцати лет с конфискацией имущества или смертную казнь [15]. Это не уничтожило «черный» валютный рынок. Он продолжал существовать, обеспечивая узкий круг заинтересованных лиц наличной валютой. Валютчики и фарцовщики по-своему просто определяли валютный курс рубля, не углубляясь в сложные подсчеты и не привлекая ученых мэтров. На черном рынке в СССР, в 1950-1970-е гг. прослеживается тенденция укрепления рубля. Несмотря на медленно растущий спрос на валюту, рубль с 50 руб. за \$1 в конце 1940-х вырос до 2,5–3 руб. за \$1 в конце 1970-х.

Что касается советской литературы и кино, то они быстро потеряли интерес к образу управдома и приступили к изучению деятелей новой волны, деятельность которых «регламентировалась» УК РСФСР (1961 г.). Новые герои постоянно нарушали правила о валютных операциях (ст. 88), расхищали соцсобственность (ст. 92, 93), занимались частным предпринимательством (ст. 153), продавали дороже, чем покупали (ст. 154), нигде не работали (ст. 209) и т.п. Посылки из-за границы с валютными ценностями теперь доставляли по схеме: «упал, очнулся, гипс», а боролись с «чуждыми элементами», нетипичными для «новой исторической общности людей» — советского народа, а следовательно, и для искусства социалистического реализма — сомнительными методами Юрия Деточкина. Как в свое время М.А. Булгаков, советские писатели и кинорежиссеры в 1960–1970-е гг. своими методами анализировали и показывали явления экономической жизни, на происхождение и причины живучести которых современная им обществоведческая и правовая наука не могла дать ответа.

Несмотря на то что «профессия» валютчика приносила советским людям одни несчастья, она котировалась неизмеримо выше скромного поста председателя жилищного товарищества. «Не надо оваций, — прощался с нами Великий комбинатор Остап Бендер, — графа Монте-Кристо из меня не вышло. Придется переквалифицироваться в управдомы».

Литература

- 1 Циркуляр Правления Госбанка № 3694 от 17 июля 1929 г.
- 2 Осокина Е. Доллары для индустриализации. URL: <http://www.pusto.ru/noosphere/444336.html>.
- 3 Инструкция Министерства Финансов СССР от 31 мая 1928 г. по применению постановления ЦИК и СНК СССР от 21 марта 1928 г. о вывозе, ввозе, пересылке и переводе за границу и из-за границы валютных и фондовых ценностей.
- 4 Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. 725. Оп. 2. Д. 21. Л. 14, 33 ; Там же. Д. 23. Л. 5, 6, 7.
- 5 Соколов Б. Булгаковская энциклопедия. М., 1996.
- 6 Мазохин О.Б. Из истории борьбы органов ВЧК-ОГПУ с незаконными валютными операциями. URL: http://www.pseudology.org/Mazoxin/Borba_valuta
- 7 О сделках с валютными ценностями и о платежах в иностранной валюте. Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 января 1937 г. // Собрание законов СССР. 1937. № 8. Ст. 25.
- 8 Кульчихин В. В. Спорные вопросы квалификации валютных преступлений // Правоведение. 1968. № 3. С. 132.
- 9 Булгаков М. А. Торговый ренессанс // Чаша жизни / М. Булгаков. М., 1988. С. 378.
- 10 Стейнбек Д. Русский дневник. М. : Мысль, 1989.
- 11 Александров Д. А., Дмитриев С. С. Таможенное дело в СССР. М., 1949. С. 178.
- 12 Дьяченко В. П. История финансов СССР. М., 1978. С. 398.
- 13 Стейнбек Д. Русский дневник. М., 1989. С. 23–24.
- 14 Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 32. Д. 1415. Л. 100.
- 15 Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 8; Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 9. Ст. 13, 21, 27.